

'dítě, chlapec' – např. ř. *těkvov*). Přestože některé doložené významy, zejména u nejstarších dokladů germánských termínů, nepostihují nuance mezi jednotlivými tituly (např. pragerm. **kuningaz*, **beudanz*, **druchtinaz* 'vládce (člověk, bůh)') ani nevypovídají o výsadách a povinnostech nositele (např. *apal*, *hēriro*, *ealdorman*, sl. *voldyka* 'vznešený, urozený', 'vládce' apod.), konstruuje autor na tomto nepevném základě tabulky a schemata, v nichž se pokouší o srovnání vzájemného vztahu mezi jednotlivými tituly (s. 44, 52, 54, 72, 94, 192 aj.). Toto srovnání je velmi užitečné pro představu vývoje šlechtické terminologie.

Patrně v důsledku změn společenských vztahů některé názvy urozených zanikají nebo jsou nahrazeny jinými (stsev. *hersir*, stangl. *ealdorman* a *gesīþ*, latinizované *thunginus* západogerm. původu), jiné přežívají, často s posunutím významu, v současných jazycích (pragerm. **apal* → něm. *Adel*-, sthn. *herizogo* → něm. *Herzog*, stangl. *hlāford* → angl. *lord*, stangl. *hlæfdige* → angl. *lady*, sthn. *hēro* → něm. *Herr*, stangl. *gerēfa* → angl. *sheriff*, západosas. *gesīþ* → něm. *Gesinde*). Některé sl. a baltské názvy jsou přejetí, u kterých se autor vedle zdroje přejetí zabývá také jazykově strukturálními a pojmově strukturálními příčinami přejetí (psl. *кнѣзь*, lit. *kūnigas* < **kuningaz*, stč. *hrabie* < sthn. *grāvio*, stč. *šlechta* aj. < střhn. *slahite*, stč. *rytieř* < střhn. *riter* aj.). Kompromisem mezi přejetím a tvořením z vlastního jazykového materiálu je kalkování. V některých případech je sporné, jde-li skutečně o kalk (sr. např. sl. *vojevoda*).

Spojení etymologa a historika v jedné osobě je právě pro tuto práci nesporně velkou předností. Fundovaný pohled na problematiku z historického hlediska pomáhá nehistorikovi pochopit někdy málo srozumitelné sémantické posuny, náhrady domácího slova přejetím, zánik některých titulů ap. Cenné je komplexní shromáždění dokladů i dosavadních etymologií, které poslouží jako podklad pro případné další vědecké zkoumání. Přínosem jsou vlastní výklady, předpoklady, domněnky a rekonstrukce (shromáždění dokladů a vlastní rekonstrukce historické sémantiky s.v. *županъ* nebo nová argumentace pro starý výklad s.v. **grāf(i)ō*, kterou cituje např. Kluge 2002, 24. vyd., aj.). Autor se touto problematikou zabýval už ve své diplomové a disertační práci, věnoval se jí i ve své publikační činnosti a jeho zájem o věc je v práci patrný.

Rozsáhlý seznam jazykovědné i historické literatury by bylo možné doplnit např. o známé práce o přejetí cizích slov do sl. jazyků (např. Knežević). Neobvyklé jsou zkratky některých pramenů, které autor čerpá ze čtyř různých prací. Bohužel zde chybí rejstřík, což poněkud znesnadňuje orientaci.

Autor výborně zvládl obtížnou tematiku a podařilo se mu to, co málokomu: jeho práce zaplnila mezeru hned ve dvou vědních oborech.

Pavla Valčáková

Руденко, Е. Н. – Ивашина, Н. В. – Яумен, Н. В.: Семантико-синтаксическое сопоставление славянских глаголов (на материале белорусского, польского, русского и чешского языков). Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов БГУ. Минск, БГУ, 2004. – 131 с. ISBN 985-485-162-1

Nastoující učebné posobie přednaznačeno dľa studentův a předpavatelův slavnistických specialnostův vuzův. Jeho celfo jvlyetja oznakovit čitateľa s temi javlenijmi ispol'zovanija jazyka, kotorye neposredstvenno svjazany s komunikacijou.

Předpavajemá kniha jvlyetja na samom dele slovarem, předpavajajom soboj aspekt idiomatiki jazyka, kotoryj svjazn s sémantikou i sintaktikou glagola. Slovarь sostavljen na materiale četjreh jazykov: beloruského, polského, ruského i češského. Rassmatrivajotja v nem beloruskie, polskie, ruskie i češkie glagoly otličajomiesja upravleniem. Vybór jazykov, po slovam avtorov, ne slučajn: dva zapadno- i dva vostočnoslavjanskich sintetických rodstvennych jazyka, svjazannych, pomimo genetického rodstva i tipologičeskogo sčodstva, tesnymi socialno-istoričeskimi i areálnymi kontaktami. V sledstvie etogo v značenii i upotrebľenii glagola v etih jazykah mnogo sčožego. Odnačo iz praktiki sopostavitel'nogo izučenia slavjanskich jazykov izvestno, čto sčodstvo obmančivo: ono i pomo-

гает изучать родственные языки, но нередко оно и вводит в заблуждение единством формы глагольной лексемы при различной семантике, синтактике или прагматике.

Работа имеет теоретическую и практическую направленность. Состоит она из трех глав. Им предшествует „Предисловие“ (с. 5–6). Авторы в нем знакомят читателя со структурой книги и ее содержанием.

В первой главе („Теоретические аспекты контрастивного исследования глагольной лексики“, с. 7–18) излагаются теоретические положения семантического синтаксиса, касающиеся свойства глагола. Глагол находится в центре внимания синтаксических исследований, в особенности семантического синтаксиса. Долгое время исследования глагола и лексических единиц в целом разделялись на грамматические и лексико-семантические. Последние традиционно связаны с компонентным анализом. Изучение грамматических категорий глагола имеет давнюю традицию и отражено оно в академических грамматиках, а также в работах многих авторов. Особенно широко представлены работы по отдельным грамматическим категориям.

Исследование синтаксических характеристик глагола связано преимущественно с определением их места в структуре высказывания. Лингвисты, занимающиеся исследованием этого направления, очень часто обращаются к валентному анализу. Поэтому авторы в настоящем учебном пособии разбирают более подробно понятие валентности. Семантическое понимание валентности находит применение в новейших достижениях теории языка, и прежде всего в концепции глубинной и поверхностной структуры. Валентность все чаще трактуется как явление глубинное, а морфолого-синтаксический строй – лексема с определенным числом позиций – как его поверхностная репрезентация. Степень „глубины“ семантической интерпретации понимается лингвистами по-разному. С понятием валентности связано такое явление, как управление. Управление определяется в языкознании по-разному: А. М. Пешковский, Е. С. Скобликова выступают за защиту широкого понимания управления; Г. А. Золотова, Н. Ю. Шведова, К. Желязко, С. Кароляк трактуют, наоборот, управление менее широко – как связь слова с формой слова. Авторы в настоящей главе подчеркивают, что в современной лингвистике нет единства мнений по поводу терминов „валентность“ и „управление“. Те или иные исследователи могут одинаково описывать, но по-разному называть одни и те же явления языка. Это связано с тем, насколько широко они трактуют валентность и управление и каким образом соотносят эти понятия с семантическими свойствами и формальными показателями лексемы. Авторы анализируют в пособии взгляды зарубежных и отечественных языковедов на валентность и управление. Этот анализ позволяет провести им дифференциацию: о валентности они говорят в таком случае, когда лексема, в силу особенностей своего значения, требует обязательного пояснения другой лексемой (ср. русск. *находиться дома, в отпуске, на работе*); управлением они считают понятие более узкое по сравнению с валентностью, оно охватывает лишь те валентные схемы, в которых главная лексема требует определенной падежной или предложно-падежной формы зависимой лексемы (ср. русск. *опираться на палку, на перила; управлять машиной, учреждением*). В качестве теоретической платформы были здесь использованы положения семантического синтаксиса о валентностях глагола, как отражении глубинной структуры высказывания, и о глагольном управлении, как поверхностной репрезентации этой структуры. Данные положения подтверждают общепризнанную мысль о единстве семантики, которую только условно можно разделить на лексическую, грамматическую и прагматическую. В настоящей главе перечисляются важнейшие работы, посвященные изучаемым вопросам.

В современной лингвистике выявляется тенденция к комплексному изучению системной организации глагольной лексики. Сверх того, в славистике можно наблюдать направление к исследованию глаголов в контрастивном плане. Вследствие этого в заключении первой главы дается авторами обзор известных валентностных словарей и словарей глагольного управления для рассматриваемых в предлагаемой книге языков и составленных двуязычных словарей такого типа.

Если первая глава представляет собой теоретическую часть работы, то вторая глава („Контрастивный анализ валентности глаголов в белорусском, чешском и русском языках“, с. 19–

71) и третья глава („Контрастивный анализ валентности глаголов в польском, белорусском и русском языках“, с. 72–120) имеют практический уклон. Помимо реестра наиболее частотных глаголов, отличающихся по типу управления, в них приведены примеры полного контрастивного семантико-синтаксического анализа (по 10 глаголов). Подавляющее большинство глаголов многозначны и только такой анализ проявляет различия в управлении глаголов не в первом словарном значении, как, например, в чешском *bát se o koho, o co* в значении „бояться за кого“ (ср. польск. *bać się o kogo, o co*), в то время как в первом значении „испытывать страх“ управление соответствующих глаголов во всех четырех языках совпадает.

Конкретный анализ глаголов в нескольких языках позволяет вывести на качественно новый уровень сам процесс выявления значений глагола. Его сущность заключается в том, что поиск был ориентирован не только на материал толковых и переводных словарей, но и на факты родственных языков, участвующих в сопоставлении. Авторы исходили из факта, что то или иное значение глагола, зафиксированное в лексикографических источниках одного языка, может быть присуще и другому глаголу и в других языках, но при этом не быть зафиксированным словарями.

Глагол является предикативным центром синтаксической конструкции, чаще всего его приоритетными характеристиками считаются синтаксические сочетаемости, т. е. модели управления. Проведенный контрастивный анализ глаголов в рассматриваемых языках, однако, показал, что отдельные значения глагола всегда обусловлены особенностями его семантической или лексической сочетаемостью. Семантическая валентность глагола первична по отношению к его синтаксической валентности.

В конце книги помещены: список употребляемых сокращений („Семантические квалификаторы“, с. 126; „Управляемые формы“, с. 126) и список языковедческой литературы, относящейся к рассматриваемой проблематике („Литература“, с. 127–131). Содержание находится в начале книги („Оглавление“, с. 3–4).

В настоящей работе перечислены далеко не все основания выделения разных значений глагола. Например, неодинаково проявляют себя разные лексические и семантические сочетаемости. При выделении отдельных значений полисемантического глагола необходимо учитывать не только обязательные, но и факультативные валентности. Однако изучение этих проблем требует более обширного материала и дополнительных исследований. Авторы осознают, что создание объемного семантико-синтаксического словаря глаголов на материале нескольких славянских языков – это дело будущего.

Алем Бранднер

Stěpanova, L.: Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Univerzita Palackého v Olomouci. Filozofická fakulta. Olomouc 2004. 297 s. ISBN 80–244–0795–7.

Publikace je dalším dílem známé olomoucké autorky, z jejíhož pera vyšla již řada pozoruhodných statí o problematice ruské a české frazeologie. Doc. Stěpanova je rovněž spoluautorkou bibliografického soupisu ruských frazeologizmů z historicko-etymologického hlediska (Mnichov 1994), historicko-etymologického příručního slovníku ruské frazeologie (Словарь русской фразеологии. СПб., 1998) a účastnicí projektu historicko-etymologického slovníku české frazeologie. Přestože v oblasti frazeologie bylo už mnoho vykonáno, zůstávají jednou z dosud málo neprobádaných oblastí její diachronní aspekty. Je proto kniha L. Stěpanovové vítaným příspěvkem k vyplnění této mezery.

Východním materiálem jsou pro autorku frazeologické jednotky české; k frazémům ruským se přihlíží především pro úplnější ilustraci určitých vývojových tendencí. Nejde tedy o popis důsledně porovnávací jednotlivé frazémy, ale spíše o komplementárně pojatou analýzu vzniku a vývoje různých frazeologických jednotek. Na začátku se popisuje původ frazémů spojených s extralingvistickými reáliemi domácími (dějinami, legendami, pohádkami ap.). Z výrazů, jejichž specifická je tvořena lingvistickými činiteli, zaujímají podstatné místo frazeologické jednotky obsahující vlastní jméno (antroponymum, zoonymum, toponymum aj.). Charakteristické pro české frazémy jsou mj.